

Область... Экземпляр

А

В 103943

ШУРА ЧЕКАЛИНИ

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В103 943

ШУРА
×
ЧЕКАЛИН

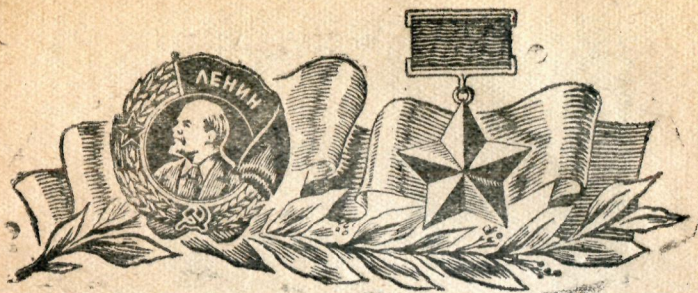
ИЗДАНИЕ ТУЛЬСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ТУЛА

1942

769933 V V

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВ. ЧЕКАЛИНУ А. П.

За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких захватчиков, присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда*“ ЧЕКАЛИНУ Александру Павловичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 4 февраля 1942 г.

Герой Советского Союза комсомолец Александр Чекалин.

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В этой книжке напечатаны рассказы о юном герое отечественной войны нашем земляке **Шуре ЧЕКАЛИНЕ**. Рассказы эти далеко не полные факты о молодом патриоте, прожившем короткую, но полную и красочную жизнь, и погибшем с твердой уверенностью в правоте нашего дела.

Жизнь Шуры Чекалина—пример для всей молодежи. Воспитанный Ленинско-Сталинским комсомолом он страстно любил свою родину, свой народ, всеми силами своей души ненавидел врагов. Его горячее сердце патриота не могло переносить диких зверств, чинимых фашистскими бандитами над советскими людьми. Он поклялся отомстить убийцам за безвинно пролитую кровь женщин, детей, стариков. Когда фашисты были в его родном Черепетском районе, Шура стал бойцом—партизаном, бойцом в подлинном смысле этого слова. Боевые товарищи знали его, как смелого разведчика, неутомимого мстителя.

До последней минуты он бился с врагами, и, когда уже петля перехватила шею героя, он крикнул палачам: „Нас много—всех не перевешаете“, и запел „Интернационал“.

„Самое дорогое у человека—это жизнь,—говорит устами своего героя Павла Корчагина Николай Островский,—она дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире—борьбе за освобождение человечества“.

Борьбе с фашистскими извергами отдал все свои силы и молодую жизнь Александр Чекалин. Народ не забудет его. Память о нем будет жить вечно, его светлый образ зовет и воодушевляет нас на новые подвиги во славу родины.

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ АЛЕКСАНДР ЧЕКАЛИН

Есть люди, в жизни и подвигах которых с особой отчетливостью запечатлены время, сознание и стремления целого поколения, особенности целой эпохи народной жизни.

Тысячи, десятки тысяч героев рождает наша страна в дни великой отечественной войны, и в каждом героическом подвиге, в доблести и мужестве бойцов Красной Армии, в отваге красных партизан, в энергии и труде работников тыла отражены качества, отобранные историческим развитием и характером народа и бережно выпестованные четвертью века советской власти. Никогда еще в русском народе не было так ярко сознание своей творческой силы, как в эпоху строительства советского государства, в эпоху Ленина—Сталина, когда он впереди всех народов прокладывает путь к новому человеческому обществу. В эти годы народ строил свою новую жизнь, утверждая свою культуру, свои исторические черты, развивая их, как черты нового, советского человека. Он передавал их другим народам, также сохраняющим все свои национальные особенности, воплощал их в новом поколении советских людей. И когда гитлеровская Германия обрушилась войной на нашу страну, с огромной, непередаваемой силой обнаружили в борьбе за родину воспитанные советским строем особенности советского человека.

Тысячи, десятки тысяч героев рождает наш народ в священной борьбе за отчизну. Незабываемыми подвигами отметил он свою борьбу, и в каждом подвиге отчеканились сознание народа, дух времени, величие сталинской эпохи. Но есть подвиги, подобные кристаллу, в них удивительно четко и многогранно сформировалось то, что присуще всем подвигам всех советских людей.

Вот перед нами короткая жизнь русского юноши, молодого человека Советской страны, 16-летнего Александра Чекалина из деревни Песковатское, Черепетского района, Тульской области. Он вошел в жизнь, устроенную борьбой и трудами старшего поколения, — он родился в 1925 году, в советское время. Он не знал других условий, кроме тех, какие создала для него советская власть, и все возможности, открытые перед детьми и подростками нашей страны, открылись перед ним. Александр Чекалин рос в колхозной деревне, с детства принимая то, чем дарил его родной мир. А мир был широк, и богат, и радостен. Шура Чекалин учился в школе и перешел уже в 9-й класс; он был комсомольцем, и стремление стать передовым человеком, принести наибольшую пользу родине наполняло отроческие мечты. Такими застала война миллионы наших юных патриотов, таким застала она и Шуру Чекалина, ученика Лихвинской школы.

Нашествие гитлеровцев прервало учение. Враг приближался к родным краям. Чекалин вступил в истребительный батальон, готовясь к встрече с врагом. Батальон принял бой с тогда еще наступавшими немецкими частями. Немцы прорвались вперед, и Чекалин оказался отрезанным, в тылу у врага. И здесь началась новая жизнь 16-летнего советского юноши.

Он один добрался до леса и нашел партизанский отряд тов. Тетерчева, состоявший из местных, знакомых людей. Он пришел в отряд, как достойный боец, принес с собой добытое в бою оружие, и вместе с партизанским

отрядом пошел по тылам громить немецких захватчиков. Первое время отряд испытывал нужду в вооружении и боеприпасах. Шура Чекалин вызвался раздобыть их. Проникнув в расположение немецких войск, он добыл и принес партизанам 6 винтовок, 10 гранат, 500 патронов. Много раз командир отряда посылал Чекалина в разведку, и тот приносил необходимые ценные сведения. Однажды он сообщил, что идет автоколонна немцев, при чем отметил, что часть вражеских машин неисправна, буксует, плохо справляется с дорогой. Было решено опрокинуть колонну. Чекалин участвовал в этом бою, где партизаны забросали машины гранатами, обстреляли сопровождавших колонну гитлеровцев. Две машины были взорваны, 4 немца убиты, остальные разбежались.

Не раз молодой патриот попадал в опасные положения, неожиданно натыкаясь на немецкие патрули, шарившие по деревням, однако, всегда находчиво выходил из опасности. Однажды во время ночевки в деревне он был выдан предателем. Немцы арестовали юного партизана и заключили под стражу. Чекалин сумел бежать из-под охраны и благополучно вернулся в свой отряд. Трудности партизанской жизни он переносил стойко и мужественно.

2 ноября Чекалин заболел, комиссар отряда приказал ему отправиться в деревню Мыш^{ор} и отлежаться до выздоровления. Но в Мышборе он узнал, что немцы напали на его след. Ночью, больной, он ушел в деревню Песковатское, где мог спрятаться у родных. Ночью фашисты окружили дом, где скрывался Чекалин. Он выбежал на двор: 12 немцев шли на него, не оставив никакой лазейки. Можно было только сдаться или погибнуть. Чекалин решил погибнуть, но вместе с фашистами. Выхватив гранату, он бросил ее под ноги обступившим его гитлеровцам. К несчастью, граната не взорвалась. Немцы схватили юного героя и отправили в свой штаб в г. Лихвин. Здесь гитлеровские изверги допрашивали юношу со всем своим палаческим умением. Его били, пытали, злобно,

садиistically издевались над ним. Перед ними был 16-летний колхозный паренек, но они ничего не смогли с ним поделать. Чекалин молчал. Он ничего не сказал об отряде, о командире, о комиссаре, ни словом не выдал под пыткой своих товарищей. В бессильной злобе немцы решили его казнить.

6 ноября, когда Советская страна готовилась встретить свой Октябрьский праздник, на площади города Лихвин немцы на глазах населения вешали Шуру Чекалина, бойца за родину. Он шел к виселице твердо и мужественно. В мрачной тишине площади раздался его громкий голос:

— Всех нас не перевешаете, паразиты. Нас еще очень много! Победа будет за нами!

И он запел «Интернационал».

Веревка перехватила горло героя и вместе со словами гимна оборвала его жизнь.

Вот повесть об обыкновенном советском молодом человеке Александре Чекалине, юном герое борьбы за родину, за родную советскую власть. Мы обнажаем головы перед Героем Советского Союза, советским школьником, комсомольцем Александром Чекалиным, сыном народа, человеком, который сумел свою жизнь сделать большой и незабвенной в памяти поколений. В подвиге Шуры Чекалина народ видит свои черты, свою доблесть, свое любящее родину сердце, свое мужество и свою решимость драться до конца, до победы.

В образе Шуры Чекалина народ наш видит, каких детей он воспитал, какое поколение вырастил, каких богатырей дал миру. Дети, молодежь — будущее нашей страны, нашего народа. Ради них, ради их счастья, ради их прямого и твердого пути, ради их жизни мы насмерть бьемся с осатанелым врагом. Ради них, ради их благородства, душевной красоты мы не щадим себя в борьбе — и не дадим пощады врагу. Мы победим, мы пройдем им дорогу сквозь кровавые гитлеровские джунгли, сквозь

людоедские западни войны, — мы выведем наших прекрасных детей на путь великих творческих дел, достойных такого человеческого сердца, ума, страсти, любви к жизни, народу, родине, какими была полна жизнь Александра Чекалина. 16-летнего Героя Советского Союза, героя отечественной войны, героя советского народа.

Навсегда сохранится память о юноше, показавшем врагу силу пламенного советского патриотизма, стойкость и душевную силу молодого поколения, новых людей, воспитанных сталинским временем. Уже названы именем Александра Чекалина площадь и улица в городе Лихвине, будут названы его именем школы, пионеротряды, имя его сохранят все товарищи по комсомолу, все матери, которые детям своим расскажут о жизни юного героя, чтобы сердце их пылало такой же неугасимой любовью к отчизне, как сердце Александра Чекалина, сталинского питомца.

(Передовая „Известий“ от 5 февраля 1942 года).

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОМСОМОЛЕЦ-ПАРТИЗАН АЛЕКСАНДР ЧЕКАЛИН

В золотую книгу истории великой отечественной войны сегодня вписано огненными буквами еще одно гордое имя. Рядом с народной героиней Лизой Чайкиной, рядом с восемью бессмертными мучениками Волоколамска, рядом с мужественной дочерью комсомола партизанкой Таней на пьедестал всенародной славы поднят шестнадцатилетний отважный партизан Александр Чекалин, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

«Большевики — народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни», — говорил незабвенный Киров. Эти слова все чаще приходят на ум в наши героические дни, когда презрение к смерти широко распространилось в

массах и стало могучим двигателем победы. Презируя смерть, идя на любые жертвы во имя победы, защитники родины громят врага, вторгшегося на советскую землю. Презируя смерть, идя на любой риск, советские патриоты, оставшиеся в тылу врага, бьют фашистов, всеми силами помогая армиям, атакующим немцев с фронта.

Никакие зверства, никакие казни не в силах задуть могучее партизанское движение, которое с каждым днем становится все более и более грозным бичом фашизма. Победы Красной Армии на фронте отдаются могучим эхом по ту сторону линии огня, будят и зовут к борьбе миллионы людей. И комсомольцы, славная советская молодежь, оставшаяся в тылу врага, все выше поднимают знамя борьбы против немецких оккупантов.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР Чекалин назван Александром Павловичем. Еще вчера он был для всех, кто его знал, Шурой Чекалиным, веселым и живым подростком, который жадно учился, достиг уже девятого класса средней школы и мечтал о получении высшего образования. Но вот пришла война, она изменила весь уклад нашей жизни. И Шура Чекалин быстро возмужал и стал воином. Невольно вспоминаются проникновенные слова М. И. Калинина: «Вы видите, как быстро в наше время юноши превращаются в бойцов, мужей. В мирное время на это потребовались бы годы. Для тех комсомольцев, которые на фронте, юность уже отошла, они сделались бойцами».

Да, Чекалин сделался бойцом, и бойцом незаурядным, бойцом передовым, смелым и отважным. С первых же дней войны скромный школьник из города Лихвина, Тульской области, записался бойцом в истребительный батальон. Он с жадностью овладевал военными знаниями. Когда же линия фронта приблизилась к его родным местам, Александр Чекалин ушел в партизанский отряд, стал смелым и отважным разведчиком.

Воплотив в себе лучшие качества сталинской молодежи, партизан Чекалин решительно и дерзко громил врага.

Однажды, когда Чекалин доставал оружие у немцев, враги его схватили. Юному партизану грозила верная смерть. Но этот смелый и ловкий юноша сумел бежать из-под ареста и вернуться в свой родной партизанский отряд.

В разгар жестоких битв с врагом Чекалин заболел. Партизаны предложили ему отправиться в родную деревню Черепетского района, Тульской области, где жила его бабушка, чтобы у нее отдохнуть и подлечиться. Чекалин наотрез отказался. Тогда руководители отряда дали ему боевое задание—произвести разведку в родной деревне, а заодно остановиться и побыть хоть несколько дней в тепле. Только тогда неукротимый комсомолец согласился отправиться в деревню.

Враги следили за юным, но смертельно опасным для них противником. И когда он пришел в свое родное село, избушку, в которой остановился Чекалин, окружил целый отряд фашистов. Они атаковали ее так, словно перед ними был целый вооруженный отряд, а не один шестнадцатилетний партизан. Чекалин, не дрогнув, принял неравный бой. Полный решимости дорого продать свою жизнь, юный партизан метнул в фашистов гранату.

Взрыва не последовало: граната отказала. Ликующие изверги схватили юного партизана. Они мучили и пытали его, но он с молчаливым презрением игнорировал все попытки палачей вырвать у него хотя бы слово о партизанах. Фашисты погнали юного героя к виселице. До последней минуты незабвенный Александр Чекалин держался, как настоящий герой. **«Нас много,—всех не переवेशаете!»**—крикнул он в последнюю минуту фашистам и запел «Интернационал».

Удавная петля захлестнула горло юного борца, не дала ему допеть победную песню. Но победа осталась за

ним,—дух, воля молодого воина оказались сильнее автоматов и пулеметов презренных врагов. И хотя сейчас Александра Чекалина с нами нет, имя его, дух его живы. Он навсегда останется в памяти народной. Он и после физической смерти своей будет жить в наших сердцах, пример его жизни будет звать нас к победе.

Так снова и снова подтверждается суровый закон наших дней: **большевики сильнее смерти; герои не умирают, а живут в народе вечно; смерть на посту при защите родины—не гибель, а бессмертие.**

Советских людей не согнешь, не осилишь. Их не поставишь на колени. Сама смерть отступает в бессилии и страхе перед ними. Фашистам удалось физически умертвить Лизу Чайкину, восемь юных героев Волоколамска, Александра Чекалина. Но этим самым они только умножили силы своих противников, наши силы.

И сегодня над свежей могилой юного героя Александра Чекалина комсомол, склоняя свои боевые знамена, с волнением и гневом клянется:

— Мы никогда не забудем тебя, дорогой наш Александр Чекалин. Память о тебе будет жить вечно. Имя твое будет всегда звать нас к борьбе. Ты был совсем юным. Ты не успел узнать все радости жизни. Ты не дожил до счастливого дня победы. За все это мы сочтемся с фашистами. Мы поставим им в счет каждую каплю твоей чистой юношеской крови. Мы напомним им каждый стон, который они вырвали из твоей груди. Сотнями своих черных жизней поплатятся фашисты за одну твою жизнь. Пусть же громче гремит наш гордый и гневный клич: «Смерть немецким оккупантам!». Смерть и только смерть будет уделом презренных гитлеровских палачей.

(Передача «Комсомольской Правды»
от 5 февраля 1942 года).

ОТВАЖНЫЕ ПАТРИОТЫ РОДИНЫ

*(Беседа с секретарем Тульского обкома ВКП(б)
тов. В. Г. Жаворонковым).*

Среди награжденных партизан имеется группа товарищей, действовавших во временно оккупированных немцами районах Тульской области. Корреспондент «Правды» сегодня ночью связался по телефону с секретарем Тульского обкома ВКП(б) тов. В. Г. Жаворонковым, который сообщил следующее:

— Трудящиеся Тульской области с большой радостью узнают о том, что правительство высоко отметило героическую работу наших партизан. В памятные дни обороны Тулы от наседарших орд немецко-фашистских захватчиков и в последовавшем затем разгроме вражеских сил частями Красной Армии партизаны оказали нам большую помощь.

Они смело действовали во вражеском тылу, подрывали коммуникации немцев, нарушали связь, пускали под откос эшелоны, взрывали автомашины, нападали на обозы и штабы противника. Неоценимую помощь войскам Красной Армии партизаны оказывали своими сообщениями о расположении фашистских сил, танковых колонн, аэродромов, огневых точек. Мы каждый день точно знали, что творится в стане врага. Этой ясности нам удалось добиться в значительной степени благодаря работе партизанских отрядов.

На захваченной немцами территории Тульской области работали сотни партизанских отрядов и групп, объединявших в своих рядах несколько тысяч человек. На борьбу против заклятого врага поднялись рабочие и колхозники, служащие и интеллигенты; в отрядах были коммунисты и беспартийные, мужчины и женщины, старики и юная молодежь.

Некоторое представление о масштабе деятельности партизан могут дать следующие цифры: в оккупирован-

ных немцами районах Тульской области партизаны уничтожили 15 фашистских танков, 1 самолет, 6 орудий, 5 паровозов, 150 автомашин и 100 повозок с боеприпасами и пехотой, истребили 1.600 фашистов, в том числе 100 офицеров, и т. д.

Дни борьбы с немецко-фашистскими захватчиками родили в партизанских рядах немало героев, имена которых с благодарностью произносят трудящиеся Тулы и Тульской области. Никогда не забудем мы юного героя Александра Чекалина, мужественно принявшего смерть на фашистской дыбе, но не выдавшего товарищей. С чувством огромного уважения произносятся имена беспартийной сельской учительницы Музалевской, доставлявшей нашим частям и отрядам ценнейшие сведения, бесстрашных коммунистов Макеева и Тетерчева, комсомольца Дмитрикова, беспартийного телеграфиста Митькина, печатника города Лихвина Ильичева, электротехника Горбенко, слесаря Мифодина и других товарищей.

Все они мужественно и храбро сражались с гитлеровскими варварами, самоотверженно участвовали в той громадной работе, которую партия и правительство вели для освобождения Тульской области от немецко-фашистских захватчиков. Партизаны крепко помогли нам, и народ никогда не забудет их боевой деятельности.

Сейчас во всех районах освобожденной Тульской области ведется огромная созидательная работа. Восстанавливаются разрушенные шахты и предприятия, возобновляется деятельность коммунальных учреждений, налаживается нормальная работа школ, больниц, торговой сети. Колхозы интенсивно готовятся к весенней посевной кампании. Во всей этой большой работе активное участие принимают партизаны.

Некоторая часть наших партизанских отрядов сейчас продолжает свою самоотверженную боевую деятельность в Смоленской и Орловской областях, в районах, пока еще оккупированных фашистами.

НАШ ЮНЫЙ БОЕВОЙ ТОВАРИЩ

Мы звали его Сашей и любили, как любят в семье меньшого брата. Когда он уходил в разведку, каждый из нас старался сказать ему что-нибудь особенно дружеское, и все мы очень тревожились, если он почему-нибудь не возвращался «домой» к условленному сроку.

«Домом» нашим была землянка. Мы вырыли ее в лесу, в самой глуши, чтобы никто не мог нас там найти. Саша очень хорошо знал этот лес; до войны он постоянно ходил сюда с отцом на охоту. И когда нужно было кому-нибудь из нас идти в очередную разведку, не было случая, чтобы Саша не попросил:

— Пошлите меня!

Он любил ходить в разведку один. Получит, бывало, задание, положит в один карман кусок хлеба, в другой—пару гранат, а то винтовку возьмет и скроется в вечерних лесных сумерках. А к утру обязательно с нужными сведениями вернется. Где какие части немецкие стоят, как вооружены, по каким направлениям продвигаются—все разузнает.

Никогда он ничего не боялся, хоть и знал, что подстерегают партизана опасности на каждом шагу. И чем опаснее задание, тем охотнее брался его выполнять. Спросишь иной раз:

— Не страшно, Саша?

Но он только усмехнется да плечами поведет—нашел о чем спрашивать! Смотри, дескать, какой я. А был он высокий, плечистый—и не скажешь, что парню всего-навсего 16 лет. Чуть ли не всех нас перерос.

Особая страсть была у Саши к оружию. Всегда он норовил раздобыть лишнюю гранату, винтовку, патронов побольше. Первое время отряд наш большую нужду во всем этом имел, и лучше Саши у нас добытчика не было. Из-под самого носа у немцев ухитрялся уносить оружие. Однажды пришлось ему пробираться в нашу лесную зем-

лянку через местность, занятую немцами. Два дня дожидались мы нашего Сашу и стали уже не на шутку тревожиться. И вдруг он появляется с двумя винтовками, гранатами, патронами—едва несет. А сам довольный, глаза т к и светятся радостью.

Потом он как-то и полуавтомат себе достал. С этим полуавтоматом ходил с нами в первую свою боевую операцию. Это было в конце октября. Проследили мы, что по дороге, ведущей из Перемышля в Лихвин, движется колонна немецких автомашин. Залегли в кювет возле дороги—лежим, не шелохнемся. И вот видим—одна машина с прицеппым мотоциклетом закапризничала, забуксовала и отстала от колонны. Мы и решили с ней расправиться. Пропустили всю колонну вперед, а когда отставшая машина стала догонять своих, мы встретили ее гранатами да ружейным залпом. Машину вывели из строя, убили четверых фашистов. В мотоцикле сидел офицер, так он вместе с мотоциклом так и взлетел на воздух. Саша особенно старался метить в офицера. Даже начал было стрелять из своего полуавтомата трассирующими пулями, чтобы лучше видеть, ложатся ли они в цель. Только я его остановил—ведь так мы себя легко выдать могли: видно, откуда пули летят.

После этого случая Саша постоянно с нами на операции ходил. Но все-таки больше всего любил он ходить в разведку.

Последний раз он ушел из нашей землянки 2 ноября. Он был болен, но ни за что не соглашался пойти в деревню подлечиться без какого-нибудь боевого задания. И ушел только тогда, когда я поручил ему попутно собрать в деревне кое-какие сведения о немцах. Захватил он с собой гранаты, винтовку, спички—«может, говорит, подпалю что-нибудь у проклятых»—и скрылся в лесу. А через несколько дней мы узнали, какой геройской смертью погиб наш юный боевой товарищ...

Начальник партизанского отряда Д. Т. Тетерчев.

(„Пионерская Правда“ от 28 февраля 1942 года).

ДОСТОЙНЫЙ СЫН СОВЕТСКОГО НАРОДА

Как сейчас, вижу Шуру Чекалина за партой. Живой, впечатлительный, он то сосредоточенно следит за каждым словом учителя, то что-то чертит у себя на парте, то куда-то рассеянно смотрит, и взгляд его идет уже мимо учителя. И когда в такую минуту окликнешь его вдруг: «Чекалин!»—он даже и не слышит.

Однако Шура был серьезным и вдумчивым учеником, учился по всем предметам на «хорошо» и «отлично». Особенно любил литературу, историю и физику. Литературные образы и исторические лица оживали перед ним, заставляли его волноваться, любить и ненавидеть.

— Молодец, Петька!.. Спасай Чапаева от гадов... Так им и надо!..—восклидал он вдруг, всем своим существом переживая события, описанные в книге.

На уроках физики он был особенно активным, с жадностью знакомился с каждым новым прибором, старался самостоятельно провести какой-нибудь опыт и весь загорался, когда получалось удачно.

А в перемены он срывался с места, и голос его раздавался в коридорах и школьном саду, среди ребят, которые обычно мигом собирались вокруг него.

Шесть лет, которые провел Шура в стенах Песковатской школы, сроднили с ним учеников и преподавателей, и было как-то грустно, когда он перешел от нас в Лихвинскую среднюю школу.

* * *

Шла война.

В один из сентябрьских дней я возвращался с Шурой из Лихвина в Песковатское. Разговорились о том, что вот уж фронт к нашим местам приближается. У Шуры загорелись глаза:

— Брошу все и пойду воевать!

— А учење?

— Разве усидишь теперь за партой, когда чувствуешь, что можешь сделать для Красной Армии гораздо больше... И он не усидел.

Снова увидел я Шуру, когда немецкие штыки уже не разрешали к нему подойти. А потом, проходя по Лихвину, я увидел на дереве качающийся от ветра труп моего ученика, зверски замученного фашистами.

Учитель Н. Виноградов.

(„Пионерская Правда“ от 28 февраля 1942 года).

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ТЕБЯ

Мы очень любили Шуру Чекалина за его смелость, гостеприимство, за то, что прекрасным товарищем был. Часто, когда он учился в Песковатской школе, мы собирались в его маленьком домике для игр. Шура очень хорошо умел мастерить разные игрушки, модели, оружие. Часами мы возились с его парходами, различными пистолетами, аппаратами. Отец — опытный охотник — приносил ему иногда из леса зверят, и Шура приручал их. У него были белки, ручной галчонок, который прыгал за ним, как собачонка, и другие зверята. Шура и сам часто ходил с отцом на охоту. А особенно любил он рыбачить. У него были свои верши, удочки, а то возьмет у отца ружье и бьет в половодье щук.

В летние вечера после удачной охоты он собирал нас. Под бугром, на берегу речки, мы раскладывали огонь, Шура притаскивал из дома чугуны, ложки, и мы варили уху из наловленной рыбы. Это были чудесные пиры!

Наши встречи стали реже, когда Шура с 1939 года перешел учиться в Лихвин. Тогда мы с нетерпением ждали каникул. Как только Шура возвращался в родное село, мы снова заводили наши любимые игры, прогулки.

Началась война. Мы приходили к Шуре и делились друг с другом военными новостями. Мы доставали в школе газеты, журналы, читали рассказы о героях великой отечественной войны, описания фронтовых эпизодов.

Каждому из нас хотелось идти на фронт сражаться с проклятым врагом. Сережа Аверин мечтал стать летчиком, Илюша Доронин—танкистом, Жоржик Холопов стал ухаживать за колхозным молодняком, чтобы вырастить хорошего коня: ему хотелось стать кавалеристом. Все мы с увлечением играли в военные игры. Делились на отряды, а командиром у нас всегда был Шура. Он сделал самодельный пулемет, и мы неожиданно нападали на „противника“, штурмовали «крепости», ходили в разведку. Самыми умелыми разведчиками были младший шурин брат Витя и Лева Виноградов.

Но вот фронт придвинулся к нашим краям. Прекратилось ученье в школах. Старший из нас—Шура Чекалин отложил свои книги и пошел в партизанский отряд, чтобы по-настоящему бороться с настоящим врагом...

Последний раз мы встретились с ним, когда он, больной, тайно пробрался в родное село, занятое немцами. Узнав, что он у себя дома, мы принесли ему мяса, молока, меду. На этот раз мы не шумели, как бывало раньше, когда собирались вместе, а сидели тихо и слушали рассказы Шуры о партизанской жизни. Осторожно, крадучись, разошлись мы в этот вечер от него, чтобы никто не подумал, что в доме кто-то есть. А на рассвете мы увидели, как староста с отрядом немцев окружили дом, где лежал наш больной товарищ. Шура встретил врагов бесстрашно. Он кинул в них гранату, но она не взорвалась. Враги схватили его, обезоружили и, связав руки, увели в Лихвин, в свой главный штаб. А через два дня мы узнали, что звери-фашисты повесили Шуру.

Вечная слава тебе, наш товарищ! Никогда не забудем тебя. Твоя храбрая жизнь, отданная за родину, всегда будет для нас примером.

Сережа Аверин, Жорж Холопов, Илюша Доронин, Коля Бочков, Лева Виноградов.

Тульская область, село Песковатское.

(„Пионерская Правда“ от 28 февраля 1942 г.).

М О Й С Ы Н

Родился мой Шура 17 марта 1925 года в селе Песковатском, Черепетского района. Теперь ему исполнилось бы семнадцать лет.

Ничего, кроме радости, я от него не видела. Был он спокойный, здоровенький ребенок, я не замечала, как он вырастал.

Муж очень любил охоту. Охота в наших лесах замечательная. И Шура, чуть подрос, стал с отцом в лес ходить. Сначала смотрел только, а там, гляжу, и птицу приносить стал и зайцев. Стрелять он научился с малых лет—сначала баловался с самострелом, потом к отцовскому дробовику привык. Мы ему не мешали в этом.

Шура был бедовый, горячий, а дурного слова никому не скажет. Всем помогал, и всякое дело у него спорилось. Прямо даже удивительно. Примус ли испортится, кастрюля прохудится,—Шура все сейчас же починит. Соседи и товарищи к нему за помощью обращались. Но это ему не очень нравилось. Он точно стыдился немного этих своих хозяйственных занятий.

Все делал сам. Уедешь на несколько дней в командировку, отец тоже куда-нибудь выедет,—Шура дома один, обед себе состряпает, корову подоит. Не любил других ни о чем просить. «Сам,—говорит,—сумею».

К технике у него было большое тяготение, все придумывал, строил. Когда купила ему фотоаппарат, сам сделал увеличитель. Кинопередвижку собрал, очень долго над ней сидел. Я ему из Москвы даже отдельные части привозила. Если электричество погаснет, у нас в доме все равно светло: Шура динамики сам делал.

И когда займется работой, весь в нее уйдёт, серьезный, насупленный—ни о чем другом не может думать.

Всякое дело доводил до конца. Твердый был. Мы уже знали: Шура сказал,—значит, так и будет, он от своего слова не отступится.

Мы его в семье героем звали,—шутя, конечно. Уж очень быстро он вверх тянулся, высокий, стройный, широкоплечий. Скажут, бывало: «Какой у тебя, Чекалина, сын растет». Улыбнешься: «Ну, что там...» А про себя подумаешь: «И верно». Гордилась я сыном.

Учился он отлично, все налету хватал—такая у него была память. Точно отпечатывался у него в мозгу урок.

Вот сейчас подошли весенние дни, и у меня сердце сжимается, все вспоминаю. В это время у нас в доме всегда гомон стоял. Набьются к Шуру в комнату ребята, вместе учатся. Шура все покажет, все растолкует, как взрослый.

У нас всегда целый отряд собирался—сначала малышей, потом подростков. Соседи смеялись: «У тебя, Чекалина, детплощадка. И не надоест тебе? Ведь шум от них, сор». Ну, и что ж, сор? Сор убрать можно. У меня, глядя на них, душа радовалась.

А Шура среди них вожак. Случалось, и они мне помогали. Вернешься иной раз под вечер с работы—ничего в доме не сделано, воды нет, печка не топлена... Шура взглянет на меня, скажет: «Ты, мама, не беспокойся. Сейчас все будет готово». И начнет командовать: одного по воду пошлет, других—дрова пилить, сам за работу возьмется. Не успеешь оглянуться—все дела сделаны, все в порядке.

Шура очень любил младших ребят, витькиных сверстников. Подшучивает над ними, поддразнивает, а сам во всем помогает. С Витей, младшим братом, они душа в душу жили. Комната у них, у двоих, была отдельная. Постельки их там стояли, шурины инструменты, книжная полка.

Очень он много читал технических книг—по радио, по механике, выписывал журналы.

Увлекался Толстым, Горьким.

Крепко запомнились Шуру кинокартины «Чапаев», «Александр Невский», «Суворов». Виктора дразнит: «Что у тебя за имя такое—«Витька», «Витюшка». Вот Александр—другое дело. Александр Невский, Александр Суворов. Это имя!» Шутя, конечно, говорил. Но, думается, он и в самом деле немного гордился, что и его зовут Александр.

Из своих ровесников дружил он с Андреем Изотовым. Жил Андрияша в деревне Зеленый Лужок, но часто гостил у нас в Песковатском, а позже в Лихвине—мы туда переехали. Летом они с Шурой часто далеко уходили гулять, по ягоды, к отцу на пасеку, на рыбалку. Рыбалку Шура любил не меньше охоты. Рыбачили удочками, сетью, а весной Шура щук из ружья бил. Меткий был стрелок.

В жаркое время ребята спали на чердаке в сарае. Заберутся туда и все о чем-то спорят, смеются, песни поют: Шура—тот больше слушал, а Витька у нас—музыкант, он и на гармонии и на балалайке.

Шура с Андреем там, на чердаке, обо всем толковали, книги читали вместе.

Началась война. Не было у Шуры другой мысли, как пойти немцев бить. Говорит мне: «Война, мама, тяжелая будет. Ничего. Пойдем с папкой воевать».

С малых лет он играл в войну. Дом наш стоял на горочке, на отлете. Ребята под горой вырыли землянку, забивались туда на целый день, это у них называлось «сидеть в засаде». Играли в красных и белых—Шура всегда был красным. Ружья он из дерева понарезал, раскрасил, пистолеты—на вид самые настоящие. Потом пулемет-трещотку сделал.

Этакий стрелок, охотник, смельчак, комсомолец, мог разве он теперь, когда началась война, утерпеть и оставаться в стороне?

Знала я: все равно пойдет воевать мой Шура, и не мне ему в этом препятствовать. Я сама не трусила и

детей тому не учила. Шесть лет работала председателем сельсовета. На пользу всего села пришлось бороться с кулачем да подкулачниками. Иные из них меня крепко ненавидели, грозились отомстить. Но я от правды не отступала. Так мне ли Шуру от опасности отговаривать? А все же ноет материнское сердце, болит за любимого сына.

Как только стали записываться у нас в истребительный отряд, и Шура побежал туда. Отказали ему: молод.

Стали люди в ополчение собираться. Гляжу—марширует мой Шура рядом с бородачами, учится вместе с ними военному делу. Присмотрелись к нему командиры—даром что шестнадцать лет, выйдет из парня толк. «Ладно,—говорят,—ступай в истребительный, примем».

Сделался мой Шура истребителем. Отправятся они, бывало, в леса вылавливать диверсантов. Ждешь их дня три-четыре, а то и пять. Чего только не передумаешь за это время!.. Но вот слышится издали песня: «Три танкиста, три веселых друга...» Скачут домой наши. Веселье, все—молодежь. Недавно слушала я красноармейский ансамбль, все плакала: эти песни Шура со своими товарищами пел.

Он мне никогда ничего про свою работу не рассказывал—умел хранить тайну. И когда в лес собирается, тоже ничего не объясняет. Скажет спокойно: «Мама, приготовь харчишек, надо ехать». Я и не спрашивала его ни о чем, а другим, коли пристанут, он отвечал: «Едем на маневры».

Помню, как в эту пору он для какого-то документа сфотографировался. Единственная эта карточка у меня и осталась. Смуглый был парень, черноглазый, черноволосый.

Немцы все ближе подступали к нашему Лихвину. Както приходит Шура домой молчаливый. Вижу: на душе у него тревожно.

— Ну,—говорит,—собери меня как следует. Я, наверное, уйду на всю зиму.

Упало у меня сердце. Собрала я ему белье, теплые вещи, валенки. Три буханки хлеба дала. Хотела мяса положить, он говорит: «Не надо. Нам папка уже все достал: свинью достал целую, два пуда меда».

Ушли они вместе с отцом.

Остались мы вдвоем с Витей. У того, конечно, тоже глаза горят за старшими увязаться, да кто тринадцатилетнего возьмет?

Живем с ним, скучаем. А дней через пять началась эвакуация.

Побежала я в райком.

— Как хотите,—говорю,—вызывайте сына. Я знаю, он в партизанском отряде. Вызовите хоть на час. Проститься хочу.

Такое у меня было решение: если не увижу его—не уеду. В этого сына я все вложила, всю надежду мою, всю радость. Гордостью моей был Шура. И осталось мне одно счастье—хоть раз еще на него посмотреть.

Приехал. Вошел хмурый.

— Зачем ты меня вызвала, мать? Ведь ты от дела меня оторвала.

— Шурочка,—говорю,—неужели ты проститься со мной не хочешь?

Посмотрел на меня:

— Очень хочу, мама. Только я не хочу, чтобы ты плакала. Ты у меня умная, смелая. Проводи меня весело.

Я, конечно, заплакала. Дала ему еще продуктов. Убеждаю: «Возьми новый костюм. Что ж он пропадет». Я ему незадолго перед тем справила хороший костюм. Он одевался всегда чистенько, только галстуков не любил. Смеется: «На что мне галстук? Я ж еще школьник».

Не взял он костюма. «Не к чему, мама. Вернемся—достанем себе все. А в лесу что мне с костюмом делать?»

Простились мы.

— Ну, — говорю, — сын, иди, защищай нашу родину, крепко защищай. Только смотри — ты ведь не учен военному делу, будь аккуратней.

— Что ты, мама? Я лучше старших стреляю.

Прижала я его к себе, расцеловала.

Больше я не видела своего Шуру.

Далеко я решила не уезжать. Поселилась с Витей в Токареве, в сорока пяти километрах от Лихвина. Я там всем говорила, что работаю на шахте, а сама держала связь с партизанским отрядом. Помогала им чем могла: доставала белье, пищу, передавала сведения.

Навестил меня муж, рассказал про Шуру. Наш сын партизанит хорошо, ходит в разведку. Недаром он в лесах наших охотился, ему всякая тропа известна.

В отряде он единственный радиотехник, установил аппаратуру. Начальник им не нахвалится.

И позднее доходили слухи о Шуре — самый молодой он был партизан в отряде. Рассказывали, как напали на него десять немцев, шестерых он взорвал гранатой, троих застрелил из винтовки, десятый убежал. Передавали еще, что Шура с товарищами, переодевшись немцами, ходили в разведку. Пришли они в избу, где жили наши родные, легли спать. Ночью в тот же дом нагрянули настоящие немцы. Спрашивают: «Кто у вас?» — «Ваши», — отвечают хозяева. Легли немцы спать. Шура с товарищами хотели их прикончить да пожалели стариков-хозяев. Хозяевам фашисты непременно отомстили бы. Утром наши вернулись в отряд, узнав все, что нужно.

Много еще рассказов ходило про моего Шуру.

Прошли неделя, две, три — нет вестей ни от мужа, ни от сына. Места я себе не нахожу. В голову лезут черные мысли. Не стерпела, решила пойти сама разузнать, что с отрядом. И Витя, понятно, со мной: не одному же ему оставаться.

Мы обогнули Лихвин, зашли в деревню, где жила свекровь.

Недаром меня грызла тоска. Свекровь рассказала: взяли моего мужа, взяли сына.

— Шура, — говорит свекровь, — зашел в Песковатское, в наш старый дом, лег там на печку. Ночью пришли немцы, двенадцать солдат. Он бросил в них гранату — граната не разорвалась. Его схватили, повели. На улице старуха спрашивает: «Как же ты попался?» А он ей: «Я с предателями песковатскими разговаривать не хочу!»

Выдали его, проклятые! Верно, те самые гады, что и против меня камень за пазухой держали. Темным-темно стало у меня на душе. Чувствую, не видеть мне больше радостного моего сына. Свекровь говорит: «Уходи отсюда. О Шуре все знают. Заберут они тебя». Но я устала, и тяжело мне было очень. Осталась ночевать.

А утром пришел в избу староста и говорит сухмылкой: «Пойдем, Чекалина, сына выручать». Я разом поняла, какая это выручка, да ничего не поделаешь, пришлось послушаться. Повел он меня в штаб, и Витя за нами следом побежал.

Вошла я в штаб. Сидит там Шутенков из Лихвина, предатель.

— Хоть одна коммунистка лихвинская попалась. А то все скрылись.

Я ему отвечаю:

— Нет, мы, коммунистки, не скрываемся, мы дело делаем.

Он нахмурился:

— Ишь ты какая. Тебе, верно, неизвестен наш закон — всех коммунистов истреблять?

— Давно ли, говорю, фашистский закон твоим законом стал?

Тут вмешался староста.

— Дело, говорит, ясное. Сын у нее партизан. Муж — партизан. И сама, раз не ушла никуда, значит, тоже где-нибудь партизанит. Чего с ней канителиться?

Тут заговорили они между собой о расстрелянных партизанах. Шутенков советует старосте:

— Коли не брезгаете, снимите с них валенки, разденьте и заройте их в землю, как собак.

У меня от злости дух захватило. Вижу, стоит на столе тяжеленная чернильница. «Схвачу,—думаю,—да ахну этого подлеца, чтобы сдох, проклятый пес, тут же на месте!» И нет у меня никакого страха — легкость такая. Тут вспомнила я про Витьку.

— Ладно, кричу, убивайте меня! Истребляйте все до корня. Мужа моего вы убили, любимого сына убили, убивайте уж и младшего сына, казните меня вместе с ним. Я сама вам его приведу!

Должно быть, отчаянно я говорила. Поверили. Староста кивнул головой:

— Ладно, веди сына.

А сам поглядывает за мной. Вышла из штаба. Улучила минуту и говорю Вите:

— Тикаем, сын.

И мы с ним за машины, за дома да все дальше... Смешались с людьми—тут как раз немецкая пехота проходила,—выбрались кое-как из деревни. Увела я от лютой смерти моего младшего сына.

А о старшем, о Шуру моем, рассказали мне в соседнем селе. Люди друг другу шопотом говорили и удивлялись, что такая великая сила была в шестнадцатилетнем мальчике.

Привели Шуру на допрос. Стал выпрашивать его немецкий комендант, начал грубо ругать большевиков и партизан. Не стерпел Шура. Схватил он чернильницу со стола и двинул промеж глаз коменданту. И приговорили моего сына к страшной казни.

Как сказали мне об этом, сжалось у меня сердце. «Так, думаю, Шурочка. Сделал ты то, что мамка твоя

собиралась сделать. Как сговорились мы с тобой. Кровь-то одна у нас с тобой в сердце».

И хоть не была я с ним в последние минутки, но я их вместе с ним сотни раз пережила, потому что он сын мне и потому что я сама сквозь все это прошла—сквозь эту злобу к негодьям, и гордость, и отчаянное бесстрашие.

Знаю, как брел он, раненый, в родное село Песковатское, как лежал там ночью один в доме, на печке, где отец с матерью ему сказки рассказывали. Помнится, любил он слушать про путешественников, которые открывали новые страны, про победителей, про людей, которые не умеют сдаваться. И он не сдался.

Когда он шел на казнь, фашистские сволочи штыками кололи ему ноги — полные валенки крови были у моего Шуры. Но он шел твердо, он решил умереть хорошо.

Люди видели, как он глядел в лицо своим палачам. Они велели ему написать на фанерной дощечке: «Такой конец ждет всех партизан». А он взял карандаш и написал крупными буквами во всю фанеру: «Сотрем с лица земли фашистскую гадину!»—и бросил дощечку в народ.

А когда его подвели к виселице, он выкрикнул: «Эх, гады! Всех нас не перевешаете! Нас много!» Тут они накинули ему на шею петлю.

Тогда Шура запел «Интернационал». Петля была у него на шее, а он пел. Пел про последний решительный смертный бой.

Я брела с Витей из деревни в деревню, точно меня оглушили. Ничего я не слышала, кроме боли. Такая тьма была вокруг, столько ужасов встречалось нам на пути, столько расстрелянных, сожженных, повешенных немцами людей.

Шурина мука смотрела на меня отовсюду. Я шла, перевязывала раненых и все отдавала им: шурина рубашку—для него приготовила,—кружку свою, все вещи.

Раненый лейтенант указал нам, как перейти линию фронта.

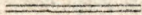
Увидела наших—согрелось сердце. В первый раз за все время мне стало легче. Мы остались в части, я просила, чтобы взяли меня на службу в армию хотя бы санитаркой. Рассказала комиссару о сыне и муже, он согласился. И начала работать.

Когда освободили наш район, пришло мне письмо. Муж писал, что ему удалось убежать от немцев.

Шурино тело нашли возле виселицы, в снегу. Обмыли его, одели и похоронили на площади.

Эта площадь теперь называется площадью имени Александра Чекалина. И Песковатское теперь — село имени Шуры Чекалина, моего сына.

(„Комсомольская Правда“
от 6 и 7 мая 1942 года).

ПАМЯТИ ГЕРОЯ

Морозный воздух серебро чеканил
На соснах, на березах, на снегу...
Лесными тропами шел партизан Чекалин,
Храня на сердце ненависть к врагу...

Он шел вперед, в лицо хлестала вьюга,
Кричали совы в сумерках седых...
Святая ненависть была его подругой,
Суровой спутницей в походах боевых...

Лесная глушь. В снегу пушистом ветки.
Казалось так, что нет совсем дорог.
Он шел от командира на разведку,
Он юности веселой не берег...

Товарищ мой, тебя враги пытали,
Но ни о ком ты слова не сказал,
Тебя на подвиг вел любимый Сталин,
Тебя народ на подвиг призывал.

И вот теперь мы над твоей могилой
Склоняем головы, делам твоим участь.
Мы говорим, что юность победила,
Что молодость фашистам не сдалась!

Тула.

Николай КИРЬЯНОВ.

Ответственный корректор В. Дронова.

ЦП9653

Тираж 6000 экз.
2 п. л. 33000 зн. в п. л.

Подписано к печати 12/X—42 г.

Заказ 1027—42

Типография изд-ва газеты «Коммунар». Тула, ул. Коммунаров, 42.

Цена 30 коп.

513-